

Глава первая

Лондон, 1910 год

— Ты, наверное, проститутка, раз живешь в борделе!

Пятнадцатилетняя Бэлль, оцепенев от ужаса, попятилась от рыжеволосого веснушчатого парнишки. Он побежал за ней по улице, чтобы отдать упавшую с ее волос ленту. Уже сам по себе поступок был необычен для многолюдных улиц Севен-Дайлс, где практически каждый готов был прикарманить себе все, что не прибито гвоздем. Но потом парнишка представился: Джимми Рейли, племянник Гарта Франклина, владельца паба «Баранья голова». Джимми переехал в Севен-Дайлс совсем недавно. Они с Бэлль немного поболтали, и он спросил, может ли он стать ее другом. Девочка затрепетала. Его внешность ей понравилась, и, как она предполагала, Джимми был ее ровесником. Но тут он все испортил — задал дурацкий вопрос: не проститутка ли она?

— Если бы я жила во дворце, это еще не означало бы, что я королева, — сердито парировала Бэлль. — Я действительно живу у Энни, но я не проститутка. Энни моя мать!

Джимми пристально посмотрел на нее. В его золотисто-карих глазах читалось раскаяние.

— Прости, я неправильно все понял. Дядя сказал мне, что Энни содержит бордель, поэтому, когда ты вышла

оттуда... — Он загнулся от смущения. — Я не хотел тебя обидеть.

Тут Бэлль тоже смутилась. Ей даже в голову не приходило, что она может встретить человека, которому будет не безразлично, задеты ли ее чувства. Ее мать об этом никогда не задумывалась, равно как и девушки, жившие в их доме.

— Ладно, — ответила она немного неуверенно. — Ты же не знал. Ты ведь совсем недавно переехал. Дядя тебя не обижает?

Джимми пожал плечами.

— Вообще-то он забияка, — констатировала Бэлль, догадавшись, что парнишка уже познакомился с дядиными кулаками. Всем было известно, что у Гарта Франклина взрывной характер. — Тебе приходится с ним жить?

— Мама говорила, чтобы я обратился к нему, если с ней что-нибудь случится. В прошлом месяце она умерла. Дядя оплатил ее похороны и сказал, что мне следует переехать и поучиться у него.

Уловив грусть в его голосе, Бэлль догадалась, что Джимми чувствует себя обязанным оставаться у Гарта.

— Сочувствую, — сказала она. — Сколько тебе лет?

— Почти семнадцать. Дядя утверждает, что мне нужно заниматься боксом, чтобы нарастить мышцы, — с вызовом ответил Джимми. — Мама же всегда говорила, что у мужчины главное мозги, а не кулаки. Но, вероятно, можно иметь и то, и другое.

— Только не думай, что все девушки шлюхи и что без железных мускулов не проживешь, — поддразнила его Бэлль.

Этот юноша начинал ей нравиться: у него была обаятельная улыбка и деликатная манера выражаться, что выгодно отличало его от других парней.

Севен-Дэйлс располагался неподалеку от модных магазинов Оксфорд-стрит, театров Шафтсбери-авеню и даже величественной Трафальгар-сквер, но, несмотря на это, до аристо-

кратических кварталов ему было очень далеко. За последние двадцать лет благодаря беспорядочной застройке многоквартирных домов и сносу трущоб этот квартал, возможно, изменился, но в центре его, на Ковент-Гарден, все так же располагался овощной рынок, а улочки, переулки и дворики продолжали оставаться узенькими. Вскоре и новые дома стали такими же обшарпанными, как и старые здания. Рядом с отбросами общества — ворами, проститутками, попрошайками, жуликами всех мастей и убийцами — здесь жили бедняки, которые трудились на самых тяжелых работах — дворниками, мусорщиками, чернорабочими. В серый морозный январский день, когда обитатели Севен-Дайлс кутались от холода во всякую рвань, квартал представлял собой жалкое зрелище.

— В следующий раз, когда я найду ленту красивой девушки, буду следить за словами, — пообещал Джимми. — У тебя чудесные волосы. Я никогда раньше не видел таких блестящих черных локонов. И глаза у тебя тоже чудесные.

Бэлль улыбнулась, потому что знала: длинные вьющиеся волосы — ее главное украшение. Многие думали, что она, скорее всего, каждую ночь их завивает и смазывает маслом, чтобы они блестели, но локоны достались ей от рождения — ей нужно было их только расчесывать. Голубые глаза девочка унаследовала от Энни, но за волосы, как предполагала Бэлль, ей следовало благодарить отца (у матери они были темно-русые).

— Спасибо тебе, Джимми, — произнесла она. — Продолжай в том же духе — и от девушек у тебя отбоя не будет.

— В Излингтоне, откуда я родом, девушки даже не стали бы со мной разговаривать.

Бэлль почти никогда не покидала Севен-Дайлс, но ей было известно, что Излингтон — уважаемый район, где живут в основном представители среднего класса. Вспомнив слова Джимми о том, что дядя оплатил похороны его матери, Бэлль решила, что мать мальчика работала там прислугой.

— Твоя мама была поварихой или экономкой? — спросила она.

— Нет, она была портнихой. Мама неплохо зарабатывала, пока не заболела, — ответил он.

— А твой отец?

Джимми пожал плечами.

— Когда я родился, он исчез. Мама говорила, что он художник. Дядя Гарт называл его художником от слова «худо». Я никогда его не знал и знать не хочу. Мама всегда говорила, что ей повезло, что она умелая портниха.

— В противном случае ей пришлось бы работать в таком месте, как у Энни? — едко заметила Бэлль.

Джимми засмеялся.

— А тебе палец в рот не клади. Мне это нравится. Так мы можем быть друзьями?

Бэлль минуту пристально смотрела на него. Джимми Рейли был на пару сантиметров выше ее, у него было приятное лицо и правильная речь. Конечно, не такая безупречная, как у джентльмена, но и совершенно не похожая на тот грубый лондонский кокни, на котором разговаривало большинство парней из Севен-Дайлс. Бэлль предположила, что Джимми был очень близок с матерью, которая ограждала его от пьянства, грубости и других пороков, в которых погрязли все вокруг. Парнишка понравился Бэлль, и ей так же, как и ему, необходим был друг.

— Я не против, — согласилась она и протянула мизинчик, как обычно делала Милли (одна из девушек из борделя Энни), когда предлагала дружить. — Ты тоже должен протянуть мизинчик, — улыбнулась Бэлль, а когда мизинец Джимми обвился вокруг ее пальца, покачала головой. — Мы друзья, мы друзья, неразлучны навсегда! — пропела она.

Юноша в ответ мечтательно улыбнулся. Бэлль поняла, что ему понравилось, как она это сказала.

— Давай прогуляемся, — предложил он. — Тебе нравится Сент-Джеймс-парк?

— Никогда там не была, — ответила она. — Но мне пора возвращаться.

Было только начало десятого. Бэлль, как обычно, выскользнула подышать свежим воздухом, пока все остальные в доме еще спали.

Наверное, Джимми догадался, что на самом деле она не очень торопится и не прочь прогуляться, поэтому крепко взял ее за руку и зашагал по улице.

— Еще очень рано, нас никто не хватится, — заверил он девочку. — В парке есть озеро, там утки, и было бы неплохо подышать свежим воздухом. Это недалеко.

Бэлль почувствовала возбуждение. Что ждало ее дома? Помойные ведра, которые нужно вылить, и уголь, который нужно натаскать для камина. Джимми не пришлось ее больше уговаривать, но она жалела, что не надела свою ярко-синюю накидку с капюшоном, отороченным мехом. Девочке было неуютно в старой серой накидке.

Пока они спешили по глухим переулкам к Чаринг-Кросс-роуд, а потом пересекали Трафальгар-сквер, Джимми рассказывал Бэлль о своей маме и смешил историями о богатых женщинах, для которых она шила платья.

— Миссис Коулфакс просто выводила мою маму из себя. Она была огромная, как бегемотиха, но часто обвиняла маму в том, что на платьях идет слишком много материи. Наверняка портниха из остатков что-то выкраивает для себя. Однажды мама не сдержалась и ответила: «Миссис Коулфакс, исключительно благодаря моему умению мне удастся из шести метров крепа сшить для вас платье. Из обрезков даже кузнечику жилет не сошьешь».

Бэлль захихикала, представив себе толстуху, которая стоит в одном корсете и примеряет платье.

— И что она ответила?

— «Меня еще никто так не оскорблял! — подражая миссис Коулфакс, высоким задыхающимся голосом произнес Джимми. — Я вам это припомню!»